

ТАЙНЫЙ
ГОРОД

ЦИКЛ «ТАЙНЫЙ ГОРОД»

ВОЙНЫ НАЧИНАЮТ НЕУДАЧНИКИ
КОМАНДОР ВОЙНЫ
АТАКА ПО ПРАВИЛАМ
ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО
И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ
НАЛОЖНИЦЫ НЕНАВИСТИ
КУКОЛКА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ
ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА
КАФЕДРА СТРАННИКОВ
ПРАВИЛА КРОВИ
КОРОЛЕВСКИЙ КРЕСТ
ЦАРЬ ГОРЫ
ДЕНЬ ДРАКОНА
ЗАПАХ СТРАХА
РЕБУС ГАЛАА
ПАУТИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ
В КРУГЕ ВРЕМЕН
МИСТЕРИЯ МЕСТИ
ДИКИЕ ПЕРСЫ
ОХОТА НА ГОРНОСТАЯ
ДУРАКИ УМИРАЮТ ПЕРВЫМИ
ОХОТНИКИ НА ВАМПИРОВ
СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЦА «ТАЙНОГО ГОРОДА»
В ИНТЕРНЕТЕ: WWW.T-GRAD.COM

ЦИКЛ «АНКЛАВЫ»

МОСКОВСКИЙ КЛУБ
ПОВОДЫРИ НА РАСПУТЬЕ
КОСТРЫ НА АЛТАРЯХ
ПРОДАВЦЫ НЕВОЗМОЖНОГО
ХАСОУВЕРШЕНСТВО
НЕПОСТИЖИМАЯ КОНЦЕПЦИЯ

ЦИКЛ «LA MYSTIQUE DE MOSCOU»

ТАГАНСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕХАНИКА
РУЧНОЙ ПРИВОД

ЦИКЛ «ГЕРМЕТИКОН»

ПОСЛЕДНИЙ АДМИРАЛ ЗАГРАТЫ
КРАСНЫЕ КАМНИ БЕЛОГО
КАРДОНИЙСКАЯ РУЛЕТКА
КАРДОНИЙСКАЯ ПЕТАЛЯ
СОКРОВИЩА ЧИСТОГО РАЗУМА

✱ ВАДИМ ПАНОВ ✱
АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

МОСКВА ✱ ✱ 2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Оформление серии *С. Прохоровой*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Семейное дело / Вадим Панов, Андрей Посняков. —
Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Тайный Город).

ISBN 978-5-699-81083-3

В густых лесах, где-то между двумя российскими столицами, притаился провинциальный Озёрск — небольшой, уютный, таинственный... А рядом с городом, на берегу Тёмного озера, в старинной усадьбе спрятаны несметные сокровища графов Озёрских, не дающие покоя ни местным жителям, ни чекистам, ни немецким захватчикам. Все охотились за старым кладом, но только обитатели Тайного Города знали, что главное в нем отнюдь не золото, а нечто более важное и значимое. То, что можно искать веками. То, ради чего можно пойти на преступление...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-81083-3

© Панов В., Посняков А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ПРОЛОГ

Сначала — тревога.

Даже не тревога, а нечто более слабое, едва заметное. Сначала лёгкое, на грани понимания, ощущение опасности. Сначала ты знаешь — и это иррационально, — что приближается враг. Беспощадный, безжалостный враг, опаснее которого ты ещё не встречал, но сначала тебе кажется, что всё происходящее — сон. И тревога, которая не тревога, и враг, который кажется страшным. Жестокий. Жажущий крови... Тёплой, остро пахнувшей крови, которую... которую ты тоже не прочь попробовать на вкус.

Ты ещё не видишь его, но уже хочешь... крови. Его крови.

Ведь ты тоже опасен.

А враг наполнен ею — кровью. Ведь не бывает, чтобы внутри жертвы не оказалось крови. Ты не помнишь ни одного такого случая. Ты начинаешь вспоминать и убеждаешься...

Сейчас не время!

Воспоминания сладки, но сейчас нельзя отвлекаться. Сейчас нужно сосредоточиться на том, кто рядом. На том, кто опасен, кто смог вызвать в твоей душе чувство лёгкой тревоги, и...

И это чувство не становится сильнее, потому что его съело слово.

ЖЕРТВА!

Ты знаешь, что приближающийся враг силён, но ты находишь для него только одно слово: жертва. Даже не находишь, ты используешь это слово машинально, не задумываясь, потому что все, кто бросает тебе вызов, — жертвы, насколько бы опасными они ни казались. Потому что твоя суть — охота. Потому что слово «враг» кажется тебе неестественным.

Какие враги могут быть у того, кто с нетерпением предвкушает чужую атаку?

У того, кто хочет крови.

У того, кто по-настоящему опасен.

Лёгкое чувство тревоги растворяется в желании убить. Не защититься.

Тьма становится твоим другом, тишина — твоим союзником, приближающийся убийца — жертвой. Ведь в нём течёт тёплая кровь.

Ты её хочешь.

Ты замираешь и несколько тягучих мгновений играешь в «Послушай ночную тишину». Улавливаешь легчайший шорох — жертва осторожна, умеет быть почти незаметной, но это «почти» — убивает... Ты же поворачиваешься абсолютно бесшумно, чуть приседаешь, готовясь к движению, и аккуратно ломаешь сухую палочку.

Ты улыбаешься.

Жертва не только осторожна и почти незаметна — жертва агрессивна и считает себя сильной. Жертва слышит трескучую подсказку и тут же пры-

♦♦♦♦♦

гает, летит на тебя, изготовившись, уже предвидя сокрушительный удар... От которого ты плавно уходишь в сторону и отвечаешь резко: правая рука становится длиннее, превращается в прочный коготь, больше походящий на косу, острейший кончик которой дотягивается до незащищённого бока нападавшего.

Запах свежайшей крови ударяет в голову.

Твоя улыбка обращается в смех. Ты смеёшься, слыша предсмертный хрип лежащей у ног жертвы. Ты облизываешь окровавленный коготь и поднимаешь глаза к равнодушным звёздам. Ты смеёшься, предлагая им разделить твою радость. Ты смеёшься...

И просыпаешься.

Ты лежишь в своей кровати и морщишься от запаха пота. И без всякого интереса разглядываешь покрытую прочнейшей чешуёй руку, которая только что, в глубоком сне, была покрыта чужой кровью.

Крепкие пальцы. Острейшие когти на них.

Ты смотришь на них, и в твою голову приходит одна-единственная горькая мысль:

«Я не человек!»

ГЛАВА 1

Озёрский уезд, 1920 год, июнь

«В уезде участились случаи нападения банд местных уголовников и дезертиров на граждан. Отделение УгРо при Озёрском уисполкоме настоятельно рекомендует жителям уезда воздержаться от прогулок в тёмное время суток до полного уничтожения банд, которое воспоследует уже в ближайшие дни и недели. Краскор тов. М. Столяров».

*«Ведомости Озёрского уисполкома»
от 11 июня 1920 г.*

— Тпр-р-ру! Да стой ты, идолице! — Угрюмого вида мужик в засаленной телогрейке поверх серой ко-соворотки из дешёвого ситца и грязных штанах, за-правленных в солдатские сапоги, прыгнул с подводы, взял лошадь под уздцы и похлопал по морде. — Стой, кому говорю!

Лошадь — старая, выдавшая виды кобыла неопре-делённой серовато-гнедой масти — презрительно по-косила глазом и фыркнула.

— Ну, наконец-то, Игнат!

Из леса на дорогу выбрались двое: молодой парень с круглым глуповатым лицом и чернявый мужчина лет

тридцати, с хитрым, неприятно бегающим взглядом тёмных глаз. Парень был одет по-деревенски: рубаха с суконной поддёвой, картуз да самотканые портки. А его хитрован-напарник, судя по одежде, был из городских: австрийский серовато-зелёный френч поверх синей косоворотки, довоенные диагоналевые брюки галифе, коричневая — блином — кепочка. И чем-то он походил на бывшего буржуйского премьера Керенского, то ли френчем, то ли — скорей — причёской: такой же треугольник на лбу, ёжик, как был у Александра Фёдоровича.

— Тыфу ты, жара! — Сняв кепку, хитрован вытер выступивший пот и, глянув на кобылу, хмыкнул. — Лошадёнка-то сдюжит?

— Сдюжит, Хаснатый, сдюжит, — пообещал угрюмый. — Большевички с ней по продрозвёрсткам ездили.

— А-а-а, ну раз та-ак...

Хаснатый — то ли это фамилия была такая, то ли кличка — глумливо скривился и повернулся к парню:

— Точно они там вдвоём? Никого больше нету?

— Да никого, гы. — Селянин глуповато моргнул. — С утра, как ты велел, захаживал, спрашивал — не надо ли, мол, плотничать? А сам глазьями-то — везде, гы!

— Ишь ты, везде... Ох, Гунявый, Гунявый, хорошо б, коли так... — Хитрован нахлобучил на голову кепку и глянул на небо. — Темнеет уже.

— Темнеет. — Угрюмый Игнат потрепал кобылу по холке. — Думаю, робяты, — пора... А в усадьбе точно поживиться есть чем? Неужто не разграбили мужички?

— Не разграбили, — торопливо ответил Гунявый. — Не трогали наши баб графских, ничего от них плохого не видели, вот и не трогали. Так что ежели есть сокровища, то тут они.

— И большевики не взяли?

— Большевики тоже не лезли.

— Почему?

— Может, графиня их того... — Парень скабрёзно ощерился. — Уговорила?

— Антиречно, оружие у этих баб есть? — Исполняя приказ, Игнат привязал лошадь к старой осине, невдалеке от лип, что росли близ усадебной ограды. — Если нету... так я бы их обеих того... попробовал бы. Дочка-то графини — красивая. Да и сама она...

— Может, и спробуем, — сплюнул под ноги хитрован. — Коли по-быстрому провернём всё. А так — покуда вывезем, покуда в лесу всё спрячем — время-то 0-20-20.

— Ох, мудёр ты, Хаснатый, — вроде бы и со всем уважением, но не особенно-то уважительным тоном промолвил Игнат. — Мудёр.

Хитрый мужик был Хаснатый, как говорили — с вывертом. В деревне к нему относились с опаской, не шибко-то доверяли — хитрован был из городских, а городские деревенских, ясное дело, завсегда норовят обвести вокруг пальца, с того, суки гладкие, и кормятся. Хотя... это ведь Хаснатый весь план налёта придумал, что есть, то есть. Всё и обсудили ещё вчера, загодя, заедая малую толику самогона шматком пахучего сала. Много не пили, потому как на дело идти и головы нужны ясные. Вот опосля — вот тогда уж и можно будет разговеться.

— Спрячем подводу в лесу, рядом с усадьбой, — учил Хаснатый. — Сами, как стемнеет, незаметно пробираемся во двор, выставляем раму — вот уже и в людской, а там... А там будет дело! Всё берём быстро, без суеты: сначала связываем старую графиню, потом — малую. И быстренько — по комнатам, по барским покоем...

— А ежели они супротивляться начнут, кричать?

— А ножик у тя на что, Гунявый? Иль уж хотя бы кулак.

— Понял... — Парняга немного помолчал и влез снова. — Мужики говорили, мол, в усадьбе оружия до хреноватой матери.

— Так и мы, чай, не пустые пойдём! Обрез, три «нагана», ножи — что, с двумя бабами не сладим?

— Так и у них моgetь...

— Что «моgetь», Гунявый? Пулемёт они на чердаке прячут, что ль?

— Пулемёт, не пулемёт, а то, что старая графиня с нечистой силой дружбу водит — факт! Мужики говорили...

— А при чём тут пулемёт — и нечистая сила?

— Дак я так, к слову...

...Про нечистую силу Гунявый, чтоб ему пусто было, вспомнил и сейчас, едва только налётчики подошли к липам — больно уж зловеще выглядела усадьба на фоне кровавого закатного неба: красные, словно глаза вурдалака, сверкали вечерней зарёй оконные стёкла мансарды, корявились кривоватыми лапами росшие невдалеке сосны, словно крышка гроба, торчала крыша амбара, а чуть левей, чёрными выпячен-

ными рёбрами тянулись вверх стропила выгоревшего пару лет назад флигеля.

— А ну, хватит нечистую поминать, кому сказано! — подходя к ограде, злым шёпотом предупредил Игнат. — Накличешь ещё, дурень. Ну? Чего хмыкаешь-то?

— Да не хмыкаю я, дядько Игнат. Колокольчики вспомнил.

— Какие ещё, к ляду, колокольчики? — Угрюмый сплюнул. — Не, ты слышал, Хаснатый? Вот дурень. Вот дурень-то! Ох, чувствую, зря мы его с собой взяли — управились бы и вдвоём.

— Ничего, Игнате. Нож да обрез лишними никогда не бывают. Да и силёнкою Гуняву нашего Господь не обидел... не знаю, как там чем другим. — Хитрован покосился на спутника. — Так ты к чему колокольчик-то вспомнил, паря?

— К богатству! — ответил тот.

— К чему-у?!

— Колокольчики-то не простые — серебряные, — громким шёпотом объяснил Гунявый. — Я, как со двора уходил, сам слышал, как старая графиня молодой про них говорила. Ещё подумал — антиресно, сколь в них серебра-то?

— Сыщем, не бойсь! — Хлопнув парня по плечу, Хаснатый негромко рассмеялся. — И колокольчики сыщем, и всё серебро заберём! Чую — удача ныне с нами!

Осторожно пробравшись задним двором, за сараями и каретной, налёткики замерли возле окна. С минуту прислушивались, вертели головами, а потом Игнат, вытащив нож, в два счёта выставил из пазов раму.

— *Х-хэк! Всего-то и делов. А ну, подмогните-ка!*

*Раму осторожно поставили наземь, в траву. Об-
разовавшийся проём глядел на пришельцев недобро,
отпугивая мёртвой глухой тишиной и мраком.*

— *Темновато чегой-то. — Гунявый сглотнул. —
Совсем темновато...*

— *Ты, паря, про фонарь забыл.*

— *Ах да, фонарь! Не пора ль вжечь?*

— *Не пора! Сперва залезем. — Потрогав рукоятку
сунутого за пояс нагана, Игнат размашисто пере-
крестился и поплевал на руки: — Первым пойду, а вы
покуда здесь... Огляжусь — свистну.*

— *С Богом, Игнат!*

Хмыкнув, мужик ловко забрался на подоконник и...

*И вдруг весь проём окна, шипя, окутала пелена
жаркого тумана! Да что там жаркого — горячуще-
го! Горячущего и резкого, как будто трубу в паровозе
сорвало. Как будто...*

— *Кипято-ок!* — заорал ошпаренный налётчик,
выпадая обратно во двор. — *Кипято-ок. Ох, ошпа-
рили, суки-и-и-и! Сварили, сварили, у-у-у... Больно!!!*

*Выхватив револьвер, Хаснатый сделал несколько
выстрелов в темноту людской. Стрелял наугад, по-
скольку никого там видно не было, одна тьма, и не
попал, наверное, поскольку никаких звуков, кроме
выстрелов да шипящего пара, не последовало. Игнат
тоже больше не орал, только постанывал да мате-
рился. Сильно пахло ошпаренным деревом, как быва-
ет, когда в пьяном угаре опрокинут на пол кипящий
самовар.*

— *Ах вы, суки! Гляньте-ка, там, наверху, баба!*

— *Графиня! Ага!*

Хаснатый тут же пальнул, но не попал, лишь осколки стекла разлетелись со звоном. А хозяйка усадьбы, не обратив внимания на стрельбу, распахнула настежь окно и вытянула руки, будто собралась броситься злодею на шею, обнять, как обнимают внезапно вернувшегося с войны близкого родственника — здорового, живого...

— Сука!

Хаснатый собрался выстрелить снова, но из пальцев графини вдруг вырвался поток жёлтого пламени, нестерпимо яркого в ночной тьме, ударил Хаснатого в грудь, и налётчик тут же вспыхнул факелом, выронил оружие и, заорав от нестерпимой боли, принялся кататься по траве, пытаясь сбить смертельные объятия огня.

Гунявый опасливо попятился, забыв и про обрез, и про нож. Какой там обрез, когда тут — тако-ое! «Нечистая! Как есть — нечистая!»

Гунявый ждал смерти, но графиня его не тронула. Пробормотала что-то неразборчиво, взмахнула рукой, как делал когда-то давно ярмарочный фокусник, и... И настоящий ураган завертелся под окнами усадьбы, как раз в том месте. Мощный всепокрушающий смерч, какой раньше Гунявый видал только на картинке в мартовском номере журнала «Вокруг Света» за тысяча девятьсот двенадцатый год! Журнал тот он выпросил как-то у заезжего охотника на пыжи, читать не читал — не шибко-то был грамотен, — а картинки рассматривал и даже подпись попросил сельского писаря грамотея прочесть: «Торнадо в Северо-Американском штате Техас». И вот

здесь, во дворе графской усадьбы, именно это сейчас и было — торнадо!

Исполинской силы вихрь подхватил налётчиков, поднял в воздух, закружил, словно осенние листья, и понёс куда-то далеко-далеко... Впрочем, не дальше Тёмного озера, куда — прямо в воду — и сверзились все трое.

А выплыл потом один — Гунявый.

Пожалела его ведьма, не сгубила...

* * *

— Так вот ты какое, бесплатное муниципальное жильё для молодого специалиста... — Лера ещё раз проверила правильность адреса, убедилась, что напечатанные в ордере название улицы и номер полностью совпадают с содержимым ржавой таблички на углу дома, вздохнула, вернула документы в сумочку, медленно въехала в ворота, сняла мотоциклетный шлем и прищурилась: — Нет, я понимаю, что бесплатно полагается только сыр в мышеловке, но это... это...

Подходящее сравнение пришло на ум секунд через пять.

— Это ведь уже съеденный сыр! И переработанный.

Однако оценить её остроумие никто не смог — во дворе старого строения девушка была совершенно одна.

— И, возможно, не один раз переработанный!

Лера ещё раз вздохнула, поморщилась, перевела взгляд на кривую берёзу, зачем-то выросшую слева от дверей подъезда, и неожиданно подмигнула ей: